

Хаим ГЛИКСБЕРГ

Похороны в Одессе

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ "ХРАНИМОЕ В СЕРДЦЕ"

с кустистыми бровями и бородой в стиле австрийского императора Франца-Иосифа. Вечерами он будет сидеть перед своим домом, пить ликёр и рассказывать о важных похоронах: доктора Пинскера и Алтоха из Тарнополья, которые были похоронены в семейных склепах на старом кладбище, Менахема Маргалита и других. С гордостью он будет говорить, как он положил в гроб мадам Стерн, с которой сам царь Николай танцевал. Тогда она была красавицей, которая позднее превратилась в старуху. Особенно он был поражен похоронами Лилинблума. "Кто бы мог вообразить, что наш казначей будет иметь такие огромные похороны! 40 тысяч следовали за гробом. Только после его смерти я узнал, что он был известным автором. Он был актёром со злым взглядом. По правде, мы его не любили". Управляющим новой синагоги и главой Хевра Кадиша был Исаак Евгеньевич Койфман. Он был невысоким, толстым с белой клинышкой бородкой. Всегда хорошо одет. "Койфман Парочет" был известен: вышитый занавес, покрывающий гробы первого клас-

на лечение. Тогда Койфман одел шамесов в чёрные пальто и чёрные шляпы. Сами хасиды очистили тело. Оно было погружено в Митвах (ритуальное очищение). Мы принесли особый гроб из цельного дерева с сеточным дном. Что же эти хасиды делают? Вместо того чтобы делать это на кладбище, они сняли часть сетки и положили на дно вместо неё сено. Теперь вы можете представить, что случилось потом. Посредине похорон умерший выпал из гроба. Поднялась большая паника. Сначала они думали, что раввин воскрес, но когда тело ударилось о пол, все были потрясены".

Огромная разница была в Одессе между богатыми и бедными, особенно после похорон. Погоня за почётном продолжалась за пределами жизни. Жена доктора, жившая напротив, влезла в долги, чтобы похоронить своего мужа "достойно", в цинковом гробу и с хором. Как это относится к тому, люди говорят, что он учился в молодости в университете? После всего, он был доктор! Мог ли он быть похоронен на Слободке-Романовке

туфли. Он не имел достаточно денег, чтобы похоронить мальчика на другом кладбище. Он просил письмо для Хевра Кадиша, чтобы принять меньшую сумму от него. Мой отец со слезами на глазах рассказал о раввине Гамлиеле, который попросил, чтобы его похоронили в льняной одежде, потому что он видел, что бедняки тратят слишком много денег, чтобы похоронить умерших в пышных одеждах. Я смотрел с трепетом на Витиново отца и не мог решить, плачет ли он о Вите или о его похоронах на Слободке.

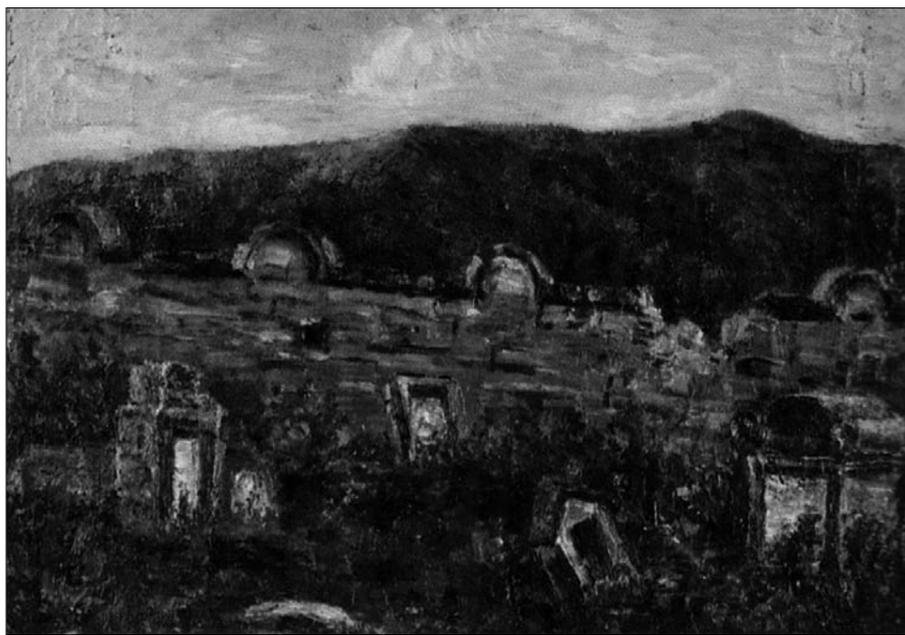
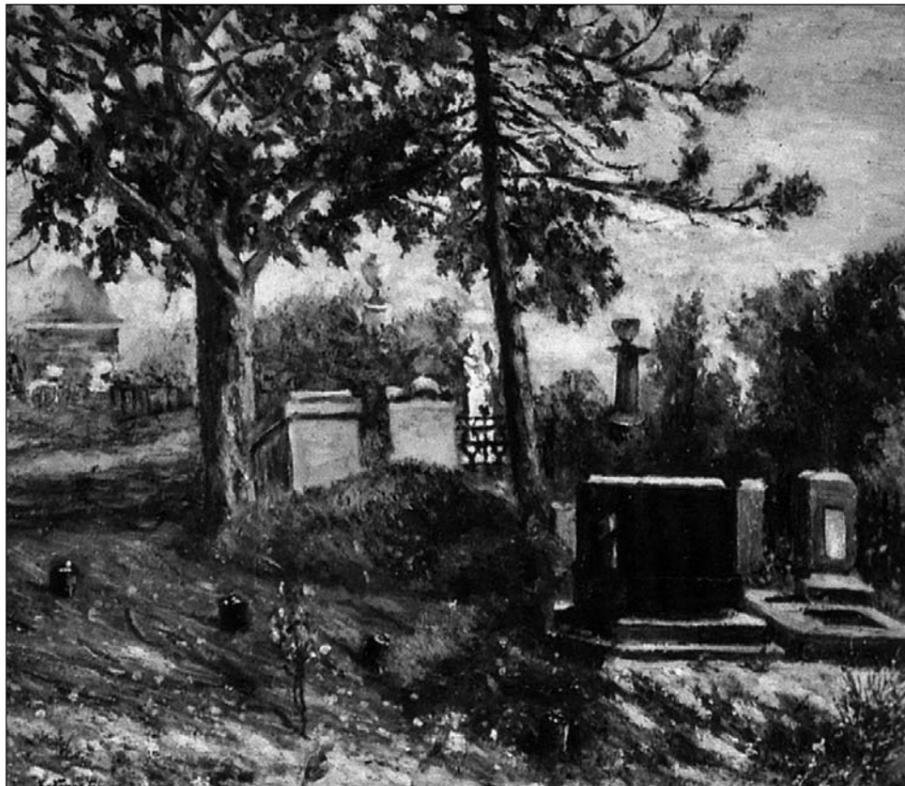
Одесские бедняки называли шамесов из Хевра Кадиша "молчесами". Я не знал происхождения этого слова, пока я не пришёл к писателем Ашером Брашем на похороны в Тель-Авиве. Когда подъехал автомобиль Хевра Кадиша, Браш сказал: "Наконец-то "молчесы" приехали". Когда я спросил его, называют ли этих людей так же и в Галиции, он сказал мне, что в его городе их называют так же, но он думает, что происхождение этого слова — "молодцы", люди чести в России.

В первые годы после революции тиф был причиной многочисленных смертей. Все похороны на Слободке-Романовке проходили через синагогу плотников, расположенную рядом с нашим домом. "Эл Меил Рахамим" (молитву за умерших) пел человек, которого называли Солдатиком. Пухлый парень, невысокий и косоглазый, он носил шляпу с широкими полями и выкрикивал. Отец сказал ему: "Почему ты кричишь так громко, когда говоришь "Эл Меил Рахамим"? "Что я, Пиня Миньковский? И я кричу, раввин, и повышаю свой голос так высоко до тех пор, когда рубль выпрыгнет из гроба". Преступники любили Солдатика. Однажды утром я встретился с раввином Миасваном в Привозной синагоге и обсуждал преподавание Гемары. Испуганный человек подбежал к нам и потребовал включить все лампы. Через час подошли похороны первого класса, которые сопровождалась двумя хорами: из Большой синагоги и из Нового базара синагоги. Это были похороны матери Мишки Япончика, важного человека в преступном мире Молдаванки. Как Мишка добыл в эти дни разрухи и опустошения предметы буржуазных похорон? Мишка всегда находил решения. Его требование было совершенно определённым: Солдатик должен петь на похоронах. Это был большой день для Солдатика. Он надел одежду кантора и митру, притворяясь важным кантором, вынул камертон из своего кармана, ударил по крышке гроба и начал петь и визжать, размахивая руками и командуя хорами: "Нежно, мягко, грустно, душевно". Старейшие из хористов делали серьёзные лица и передразнивали его, а молодые с трудом сдерживали смех. Мишка Япончик проехал по всем улицам Одессы. В первом экипаже сидели музыканты, в следующем ехал сам Мишка, развалившись внутри, в третьем — накрашенная женщина, в четвёртом — Мишкина шляпа, в пятом — его пальто, в шестом — его сапоги. С разинутыми ртами жители Молдаванки наблюдали эту процессию. Мишка был среднего роста, коренастый и тёмный. Клок волос падал на его лоб, типичное еврейское лицо. Он совершенно не выглядел, как японец.

В последние два года городские власти менялись много раз. До того как большевики обосновались в Одессе, город находился под управлением немцев, затем французов, потом англичан и затем Петлюры (белых). Банды Тютюнника, Зелёного и Махно творили погромы в украинских городах. Белые "добровольцы" жестоко убивали коммунистов, в большинстве — евреев. Я помню, как еврейского мальчика тащили, всего израненного, через улицы Молдаванки. Он проклинал своих мучителей. Белые оставили наш город. На смену им (и до большевиков) пришёл Мишка Япончик и захватил власть. После того как его люди разделались с белыми, они взялись за тайную полицию. Они вытаскивали прятывшихся полицейских, клали их на телеги лицом вниз, как цыплят, отправляемых на бойню, везли их в морг Еврейской больницы и расстреливали их там.

В те дни, когда власти часто менялись, преступники помогали большевикам. Наступил 1920-й. Новая власть была установлена. Грабители и воры были казнены. По указанию Радека Мишка Япончик был застрелен.

Состоялись похороны бойцов, погибших в боях за Советскую власть. Сотни красных флагов, развевающихся на осеннем ветру, бесконечные букеты цветов и красные гробы. Огромная общая могила была выкопана на Куликовом поле. Одесские богачи были арестованы.

На широком дворе Одесской общины (в Треугольном переулке, с главным входом с Базарной улицы) находилась Хевра Кадиша. Это был типичный одесский двор. Верхний этаж с застеклёнными балконами на квадратных каменных колоннах. В дальнем конце главного двора были хранилища и стойла. Здесь же стояли гробы (в Одессе хоронили в гробах). Цинковые гробы для богатых, деревянные, покрытые чёрным бархатом с серебристой лентой по краям, для низшего уровня, чёрные деревянные для бедных, которых хоронили на Слободке-Романовке. Здесь же стояли разные "катафалки", зимние коляски, повозки, высокие вагоны для цветов и других похоронных принадлежностей. Пахло дёгтем, кожей, сеном, лошадиной мочой. На немощёном дворе лежали кучи сёдел, вожжей и сбруи. Кое-где пробивалась зелёная трава. Стояли автомобили, ожидавшие ремонта, плотники мастерские наполняли воздух запахами досок, клея и краски.

Когда богатый или известный человек умирал, двор сразу оживлялся. Человек, отвечающий за лошадей, мазал дёгтем их копыта и привязывал три пары сияющих, как воронье крыло, лошадей к вагону с чёрной и серебряной гравировкой, на высоких резиновых колёсах с пружинами. На вагоне выгравировано: "Правосудие пойдёт перед ним" и другие подходящие изречения. Этот же человек покрывал лошадей сеточной попоной.

В этих первого класса вагонах не было места для кучера, и он шёл и вёл лошадей с помощью верёвки. Кучера носили много лакированного и одежду со шляпой, подобно английским кучерам. Еврейские шамесы были в чёрных пальто с пуговицами и серебряными полосками. На лацканах их пальто были вышиты буквы хев и кад (Хевра Кадиша). Шамесы носили блестящие высокие шляпы с широкой серебряной лентой и с серебряным пером на верхушке. Они носили также белые перчатки.

Это происходило в дни перед первой мировой войной, когда смерть одного человека потрясала улицу. Похороны проводились без спешки. Вагон стоял более часа перед домом, и медленно, очень медленно собирались друзья и родственники. Кантор и дирижёр хора приезжали на отдельных бричках. Гроб несли по улицам города не спеша, и провожающие следовали за ним тоже медленно. Медленно вагон привязывался к лошадям, покрытым чёрной кружевной попоной. Лошади направлялись вожжами, и размеренные звуки идущих лошадей перебивались звуками скорбящих поэтов в бархатных шапках и чёрных одеждах с белыми воротниками. Похороны останавливались перед синагогами со специальным извещением на дверях. Канторами были Штейнберг с бородой, как у Герцеля, или Ройтман с золотыми кудрями и мягкой бородой. В те дни большинство имело большие бороды, не то что канторы наших дней, которые стараются быть похожими на оперных певцов. Кантор выходил медленно из брички, поднимая свою одежду одной рукой, как женщины сделали бы, и затем долго проводил службу, сопровождаемую хором. Толпа шла на кладбище пешком. В отличие от шумных, суетливых, глупых дней, когда умершего быстро доставляют к месту захоронения на автомобиле, а провожающие теснятся в пыльных автобусах.

Да. В Одессе они знали, как проводить похороны. Церемониймейстером на похоронах первого класса был раввин Меир Пречеп. Он подходил к началу процессии и проверял, всё ли готово для похорон. Пречеп был старик

са. В одном из складов стоял специальный гроб из вырезанного дуба с цинковыми ручками и ножками, который Койфман сделал для себя, и они на самом деле смогли похоронить его в этом гробу, его похоронная процессия двигалась по Екатеринбургской улице и остановилась рядом с готическим зданием Шалашной синагоги, которое сгорело от бомб белых в конце лета 1919-го, около времени его смерти. Через пять месяцев город был захвачен Советами. Я помню рассказ Меира Пречепа о похоронах хасидского раввина из Жинкова, который приехал в Одессу

среди обычных людей? На третьем этаже нашего дома жил гражданский адвокат, ассимилированный еврей, у которого был мальчик с золотыми кудрями, спадающими на плечи, и изумительными глазами, как будто он вышел из книги "Сын короля и бедняк". Весь дом был полон его пением. Витя, было его имя, съезжал вниз по перилам и издавал звуки радости своим певучим голосом. Витя умер от аппендицита. Я всё еще вижу его отца стоящим рано утром перед моим отцом. Он плакал. Он носил шотландские брюки, галстук-бабочку и остроносые лакированные